

УДК. 801.001.1

М.И.Агиенко

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРОИЗВОЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ. СЛОВО – КОНЦЕПТ – КУЛЬТУРА

Современная наука решает вопрос о произвольности в языке с позиций конвенциональности. С иных позиций чрезвычайно затруднительно объяснить условность звукоподражаний в языке, необъяснимым представляется и тот факт, что одна и та же вещь в разных языках может называться по-разному, никак не изменяя при этом свою суть. Под «словом» в дискуссиях подобного плана понимается «всеобъемлющий символ», «универсальное средство обмена внутри сообщества» [14; 142], при этом не учитывается долгая, возможно, тысячелетняя история развития значения и его фонетического облика. Иными словами, философским дискуссиям о языке как феномене не хватает, по нашему мнению, более широкого взгляда на слово и его лексическое значение.

Между тем, мысль о более тесной связи слова, его значения и сути явления уже давно занимает умы выдающихся мыслителей. Н.А. Бердяев видел в слове «изреченность смысла мира». [5; 96]. А. Белый говорил: «...удачно созданным словом я проникаю глубже в сущность явлений, нежели в процессе аналитического мышления» [1; 132]. Ж.-Ж. Руссо в «Рассуждениях о происхождении неравенства» писал: «Надо полагать, что первые слова, которыми люди пользовались, имели в их уме значение гораздо более широкое, чем слова, которые употребляются в языках уже сложившихся и что, не ведая разделения речи на составные ее части, они придавали каждому слову сначала смысл целого предложения» [17; 60 - 61].

Идея о том, что слово могло иметь смысл целого предложения, предполагает, что слово являлось текстом, представлявшим собой структурно организованное сообщение о событии, признаке и т.д., которым придавалось значение. Следовательно, человеческое сознание, конструируя слова, превращало их в когнитивные факты, организуя теоретические, идеологические и др. представления о факте реального мира в некий социально - значимый на тот момент конструкт, который нес эмпирические сведения современникам и потомкам. Значит, в тексте слова должны были быть элементы, которые, воздействуя на сознание человека, вызывали у него необходимые образы и смыслы.

Поскольку слово может быть произнесено или написано, то смысл сообщения должен был быть зашифрован в звуке. Это также значит и то, что код шифра должен быть либо известен получателям сообщения заранее, либо понимание и расшифровка сообщения должна происходить после его получения. Судя по тому, что ребенок может

интуитивно почувствовать правильное значение слова и отклонить огромное количество логически безупречных альтернатив и ложных обобщений, нам представляется, что понимание сообщения происходило уже после его получения, и человечество развивалось (и развивается) в условиях «самообучения». Следовательно, слово до сих пор несет некое сообщение, которое воспроизводится каждый раз, когда человек его слышит, и оно, соответственно, является «уроком языка» [10; 160]. Значит, слыша слова, мы получаем огромное количество «уроков языка» ежедневно, не осознавая этого. В данной работе мы предпримем попытку прочтения текста слова при допущении, что в отношении текста слова справедливы основные положения, применяемые ко всем видам литературных текстов, а именно: 1. Сообщение, заключенное в слове, допускает множество интерпретаций. Говоря словами М.Ю. Лотмана, **«текст, подобно зерну, содержащему в себе программу будущего развития, не является застывшей и неизменно равной самой себе данностью. Внутренняя недо-конца-определенность его структуры создает под влиянием контактов с новыми контекстами резерв его динамики»** [10; 162]. Мы же, будучи с рождения «зашоренными», делаем только один из множества возможных видов «предложений об устройстве мира и его обитателей» [14; 144]; 2. Текст слова обладает способностью накапливать информацию и сохранять память обо всех его интерпретациях [10; 163]. Отсюда, если слово в обществе является «формой памяти», позволяющей сохранить сведения о порядке, законах, связях реального мира, то сообщение, заключенное в слове, должно неоднократно эксплицитно дублироваться в словесных текстах и артефактах. Обобщим наши позиции в дискуссии по вопросу произвольности значений.

1. Слово, в совокупности его современных значений, является лишь частью **процессов и смыслов**, лежащих в основании освоения окружающего мира.

2. Первые словотворческие усилия человека происходили в условиях конвенции на уровне смысла сообщения.

3. Слово, как любой текст, содержит «высокую степень неопределённости» [10; 354] и нуждается в интерпретации. Понимание текста интерпретатором всегда ограничено возможностями его сознания.

4. Слово, представляя собой культурно значимую разновидность текста, должно рассматриваться как факт культуры и должно быть интер-

претировано через элементы культуры.

Частью этих предположений уже давно оперирует когнитивная лингвистика, которая занимается объяснением и описанием ментальных языковых структур и процессов, репрезентируемые в языке и в слове в том числе. Однако весь опыт человека по осмыслению мира не наблюдается прямо через слово и не имеет собственных средств языкового выражения. Он проявляется через образы, большей частью принадлежащие бессознательному, но реконструируется тем или иным способом, либо описывается как совокупность признаков и характеристик, либо прямо представляется посредством моделей (естественных или искусственных).

Такой, более широкий взгляд на слово как форму, отражающую познавательные процессы, придал новое дыхание достаточно распространенному в философии термину *концепт*.

Концепт в его лингвистическом толковании не имеет лексического значения, которое присуще слову. Концепт обладает признаками, которые в результате процесса метафоризации представляют «сходство между известным и неизвестным, утверждающееся на основе уподобления» [8; 134–135]. Часть концептуальных признаков, наиболее популярных в данное время в данном социуме, зафиксирована в толковых словарях и составляет группу понятийных признаков концепта. Часть признаков относятся к этимологической истории слова. Остальные концептуальные признаки сохраняют образность, присущую метафоре, частично зафиксированы в словарях эпитетов или представлены в индивидуальных словоупотреблениях и составляют группу образных признаков концепта. В процессе развития у концепта возникают новые признаки, рожденные культурой, происходят перегруппировки между образными и понятийными признаками из-за повышения частотности одних признаков и снижения частотности других. Очевидно, слово в своем лексическом значении актуализирует лишь несколько основных концептуальных признаков.

Введение понятия *концепт* позволяет шире взглянуть на когнитивные процессы, происходящие в языке и уточняет позиции слова, которое только репрезентирует концепт, и позволяет нам оценить, какой объем знаний о фрагменте мира скрывается за лексическим значением, внутренней формой и метафорическим употреблением. Покажем, как нам видится интерпретация текста слова на примере концепта *правда*. Сначала рассмотрим ближайшие этимологические значения слова *правда*.

Правда имеет следующие семантические корни в славянских языках – «болг. *правда* – ...так же в знач. «**поголовье скота**», сербохорв. *правда* «правда; **тяжба**», словен. *prâvda* «**положение, закон, судебное дело**». От **pravъ* – (др.-русск.) *правъ* «**прямой, правильный, невиновный**»,

словен. «**правильный, правый**, ... верхнелужицкое *prawy* «**правый, прямой, настоящий**» // вероятно, из **prō-vos* от **prō-*» [19; 352]. Ю.С. Степанов считает, что «**правда**» восходит к «индоевропейскому **prō* «**вперед**» как наречие, а также «**вперед выступающий, вперед выходящий, идущий**» как прилагательное и как существительное с прибавлением суффикса *-*uo-*» [18; 441].

Если предположить, что значения этимологических корней являются фрагментами одного сообщения, то они будут представлять собой следующий ряд: «**скот**» – «**закон**» – «**судебное дело**» – «**прямой**» – «**правильный**» – «**вперед идущий**». Итак, мы имеем ряд соотносившихся в древней культуре элементов, некое идеографическое письмо потомкам, представляющее собой текст или часть текста, постоянно воспроизводящееся с произнесением слова *правда*. Взаимосвязанность этих элементов предстоит интерпретировать, и для этого нужно понять, существует ли некий культурный контекст, объединяющий часть или все элементы и определяющий их смежность в культуре. И второе, нам нужно доказать, что каждый элемент культурного ряда соотносится со значением слова *правда* в русском языке.

Элементы «**прямой**» – «**правильный**» – «**вперед идущий**» – «**закон**» объединены в семантике русского языка. Так, Р.М. Цейтлин, изучив значения старославянских слов с корнем -прав-, указывает, что все слова обладали положительным смыслом и «**первичными, исходными** значениями являются значения ‘**прямой**, ровный, без выступов, извилин, отклонений (о дороге)’ и ‘**устремленный прямо, вперед (о движении)**’» [20; 60]. Она приводит семантические линии, по которым реализуются слова с корнем –*прав-*: 1) **Прямой**, ровный; 2) направить по прямому,циальному пути; проводник, наставник, руководитель; 3) **правильный**, правдивый, справедливый; то, что правильно, правда; справедливость; 4) правильное установление, правильный, справедливый порядок, **закон**, правило; 5) православный, отвечающий православию [там же: 62]. Словарь древнерусского языка зафиксировал компонент «**право**» в четырнадцати значениях слова *правда*, среди них «**обет, обещание**», «**свод правил, законы**», «**право суда**», «**судебные издержки**» и др.

Элемент «**скот**» в культурный ряд эпохи старославянского языка на уровне семантики не входит, что побуждает нас предпринять исследования в других культурах. Кроме того, это единственный элемент культурного ряда, принадлежащий материальной культуре, следовательно, нам нужно найти следы его смысла, относящиеся к духовной культуре.

В языковых исследованиях есть свидетельства этой соотнесенности. Так, слово *raši* в *ведийских* текстах употребляется в контекстах о «теории жертвы» [2; 52] и обозначает **человека, лошадь, быка, овцу** или **козла**. «Ассоциация людей и жи-

вотных ...эксплицируется в *авестийской* формуле *pasu vīra ‘скот-люди’*, древность которой – давно установленный факт» [там же: 52]. Латинский язык привносит **юридический компонент**, так как обнаруживается, что базовый смысл, выраженный словом *recessus*, относился не только к скоту, но и к движимому и недвижимому имуществу (и при развитии значения к богатству вообще), а производное слово *recessus*(r) обозначало ‘похищать государственные деньги’ [2; 56].

Итак, мы убедились в культурной смежности выделенных элементов и исключили случайность в выделении этимологических корней слова *правда* и, таким образом, определили ключевые позиции текста, представленного словом *правда*. В меру нашего современного понимания окружающего мира мы могли бы постараться воссоздать этот текст, однако, за отсутствием критерев правильности текста и во избежание чрезмерной субъективности работы, ограничимся лишь перечислением полученных в результате анализа позиций. «**Прямо, без отклонений устремленный вперед, исполнение закона, жертва/богатство**». Перечень позиций зависит от полноты этимологической версии слова, лингвистических знаний интерпретатора и представляется далеко не полным, однако мы можем предпринять попытку определить, о чем идет речь в тексте. Элементы текста не содержат никаких религиозных установок, возможно, он одинаково понимался как христианами, так и язычниками, но, учитывая, что русское сознание последнего тысячелетия формировало концепт *правда* под влиянием христианской идеологии, воспользуемся текстом Библии, чтобы определить контексты, объединяющие часть или все позиции текста.

«...Если ...беззаконник возвратит залог, за *похищенное* (!) заплатит, будет **ходить по законам жизни**, не делая ничего худого, – то он будет жив, не умрет. ...он стал творить **суд и правду**, он будет **жив**» (Иез. 33: 15), «как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца; и **жизнь** мою **полагаю за овец**. Есть у Меня и другие **овцы**, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет **одно стадо** и один Пастырь» (Ин. 10:15), «Как **закон**, ... был бессилен, то Бог послал Сына Своего ...в **жертву** за грех ..., чтобы оправдание **закона** исполнилось в нас, **живущих** не по плоти, а по духу» (Рим. 8:2), «Человек ...**праведный** держит **прямо путь** свой» (Пр. 21:29).

Очевидно, что христианское мировоззрение объединяет позиции в единый контекст, и, видимо, в тексте слова *правда* речь идет о правилах (праведной христианской или угодной языческим богам) жизни. Нам также представляется, что каждый раз, при произнесении слова *правда* подсознание реагирует на этот смысл. (К вопросу о носителе этой информации в теле слова мы обратимся в этой работе чуть позже). Если наше предпо-

ложение верно, то подобные тексты, эксплицитно выражющие некоторые фрагменты исходного смысла *правда*, мы можем найти в светской литературе и в пословично-поговорочном фонде: *Кто правдой живет, тот добро наживет*. Пог.; *Правда – кус купленный, неправда – краденый*. Пог.; *Правда прямо идет, а с нею не разминешься*. Пог.; *жертвовать правдой*; «Я, *правдою* внушен, пишу её *уставы*» (В. Капнист. Сатира). «**Правда – это путь**» (Л. Толстой). «Ты ...разумел человека **прямого**, кто **не любит живиться чужим**» (Н.А. Некрасов. Газетная); «Недоимки накапляются, пьянство развивается, **правда в судах упраздняется**, а резолюции не утверждаются» (М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города).

Удивительная последовательность в использовании определенного лексического набора в приведенных примерах сама по себе ничего не доказывает, но наводит на следующие размышления и предположения:

- концепт имплицитно представлен в коллективном сознании этноса;
- концепт в отдельно взятом языке инвариантен. Поскольку в разных языках наблюдаются аналогичные культурные соположения, можно допустить существование единого концептуального ресурса для семьи языков, в нашем случае можем говорить об индоевропейском концепте, презентированном в русском языке словом *правда*.

Идея об имплицитной представленности концепта в сознании человека в когнитивной лингвистике не нова. А.А. Залевская понимает концепт как «коллективную детерминанту представления определённого фрагмента мира, имплицитно содержащуюся в сознании социума» [6; 40-41]. Эта же мысль прослеживается в определении концепта В.В. Колесовым, по мнению исследователя – это «то, что не подлежит изменениям в семантике словесного знака, что... **диктует говорящим на данном языке, определяя их выбор, направляет мысль, создавая потенциальные возможности языка-речи**» [7; 36]. Если высказанные идеи верны, то мы должны найти общие признаки как в концептах разных языков, так и признаки древнего слоя в структурах современных концептов. Проанализируем с этой точки зрения концепты *правда* в русском языке и *truth* (правда) в английском языке.

Слово *truth*, по данным словаря J. Рокорпу является производной формой от OE *trēowth*, которое, в свою очередь, представляет собой суффиксальный вариант и.-е. **dreu-*. Различные варианты исходного корня *dreu-* дали в английском языке различные производные, которые можно разделить на следующие тематические группы:

Теологическая группа: *dryad* – дриада. *Hamadryad* – лесная нимфа, живущая на дереве. *Druid* – друид, жрец. Группа терминов **растительного мира:** *Deodar* – гималайский кедр, *drupe*

— косточковый плод, duramen — сердцевина дерева. Группа слов, относящихся к сфере деятельности человека, группа антропоморфных признаков: troth — верность, честность, обещание, честное слово. Betroth — обручаться. Tryst — место встречи, время встречи. Trust — вера, доверие, надежда. Trim — настрой, настроение, состояние, характер, природа, натура; опрятный, аккуратный; хорошеный, миловидный; приводить в порядок. Troop — стадо, группа людей (!). Dour — непреклонный, строгий, суровый. Dura mater — твердая мозговая оболочка. Endure — выдерживать испытание, терпеть, сносить. Indurate — делать(ся) твердым, укреплять, становиться прочным. Obdurate — закостенелый, упрямый. Артефакты: trim — наряд. Tray — поднос, желобок, лоток. Вещества: Tar — смола, деготь. Действия ментального плана: trow — полагать, думать, считать. Понятия области права: pledge — залог, заклад. Duress — тюремное заключение, юр. принуждение, давление. Военные термины: truce — перемирие.

Значение производного слова будем считать концептуальным признаком.

Образ дерева является базовым в концептуальной структуре внутренней формы *truth*, поэтому нам необходимо обобщить данные о семантико-этимологических соответствиях слов со значением «дерево» в индоевропейских языках по данным «Сравнительного словаря мифологической символики в индоевропейских языках» М.М.Маковского. Все значения, соответствующие значению «дерево», можно тематически сгруппировать на зооморфную, витальную, антропоморфную, религиозную, пространственную группы, а также группы элементов стихий, квантитативных признаков, признаков Логоса, времени, права и предметных признаков.

Зооморфные признаки концепта в фактических примерах концепта *truth* представлены признаком «собака» (*Truth is a dog that must kennel*. Shakespeare. King Lear). Правда также сравнивается с «собакой» (*Правда, что цепная собака, на кого спустят, в того и вцепится*. Пог.).

Витальные признаки концептов представлены признаками «жизнь» (*Посмотреть выезжали молодцы, какова она, правда, на свете живет?* А.Толстой. Правда; *living truth*).

Антропоморфные признаки представлены признаками «женщина» (*Правда — матушка*. Пог.; *Many loved truth, and lavished life's best oil Amid the dust of books to find her*. Lowell), «верность» (Средь лжи кто верен правде оставался и кто берег ревниво светоч свой, когда на мир унылый мрак спускался. Плещеев. Памяти Пушкина; *fidelity to truth*), «благородство» (*prudent truth*), «наряд» (*Твоя правда узка нам ... Мы выросли из неё, как вырастают из платья*. Горький. Мещане; *A robe of seeming truth and trust hid crafty observation*. Burns).

Религиозные признаки представлены призна-

ком «жертва» (жертвовать правдой; *The Dissenters, on their side, were not disposed to sacrifice the cause of truth and freedom to a temporizing mildness of language*. Eliot. Felix Holt, the radical).

Признаки неживой природы представлены признаками водной стихии (*Aх ты гой-еси, правда-матушка! ...ты морями разлилася синими*. А. Толстой. Правда; *He himself felt only like a youth, picking up shells by the great ocean - Truth*. Вугон. Don Juan).

Пространственные признаки представлены признаками признаками природного ландшафта (*Aх ты, гой еси, правда — матушка! Велика ты, правда, широка стоишь! Ты горами поднялась до поднебесья, Ты степями, государыня, раскинулась*. А. Толстой. Правда).

Квантитативные признаки представлены признаком «половина» (*полуправда; I found I had got only a half-truth — or only a glimpse of one facet of the truth*. Wells).

Признаки Логоса представлены признаком «звук музыки» (*Глухарь поёт теперь ту самую правду, какая остается человеку: «Помирать собираясь — рожь сей!»* Пришвин; *Divine melodious truth*. Keats).

Предметные признаки концепта представлены признаками артефактов «краска» (*Any darker truths will blot these pages*. A.Bronte. The tenant of Wildfell Hall), «цвет» (*The very truth hath a colour*. Eliot. Felix Holt, the radical; *The very white of truth*. Keats). Строительные метафоры индоевропейских предметных признаков своеобразно преломляются в русском концепте *правда* (*Правда копылом торчит*, ср.: «копыл — стояк, стоянь, надолба, торцом вставленная во что-либо деревяшка» [5; 338]).

Признаки времени косвенно представлены признаком «утро» у *truth* и признаком «период времени» у концепта *правда* (*The truth should dawn gradually upon him*. A.Bronte. The tenant of wildfell Hall; *Предрассудок! Он обломок давней правды*. Баратынский).

Признаки права представлены признаком «обещание, клятва» (*Our brother here present hath already sworn to the truth of his accusation in the hand of the good Knight Conrade de Mont-Fitchet*. Scott. Ivanhoe).

Бегетативные признаки представлены метафорой ствола дерева у *truth* (*Stem truth against the base-souled villain with a blow*. Dickens. Martin Chuzzlewit) и метафорой корня растения у концепта *правда* (*Это та правда, которую необходимо знать до корня, чтобы с корнем и выдрать её из памяти, из души человека, из всей жизни нашей тяжкой и позорной*. Горький).

В современном состоянии концепт *truth* не актуализирует символы языческой ментальности — домовой, ведьма, друид, дриада, и т.д., Слово *правда* одним из своих производных *праведный* является диалектным табуистическим задабри-

вающим названием лешего, то есть, концепт *правда* сохранил некоторые следы языческой ментальности [19; 352].

Некоторые из элементов стали актуальны в других индоевропейских языках. Ср. также: *troop* – «стадо», болг. *правда* – «поголовье скота» [там же: 352]. С другой стороны, у концепта развивается социальная группа признаков, так, у *truth* выделяются признаки «законодателя», который даёт права (*The truth may warrant*. Hawthrone), «руководителя» (*The unity of things and their variety belonged to different orders of truth and vitality altogether*. James. Essays in radical empiricism), «министра» (*Now I am calm as truth — its chosen minister*. Shelly). Правде присущи признаки рабочей профессии – «кузнеца», орудующего молотом, «строителя» (Был день, когда господней **правды молот** громил, дробил ветхозаветный храм... Тютчев. Encyclica; Читаю письма непраздные чистого поколения – как в школу прорабов **правды синие заявления**. Вознесенский), «шахматиста» (Вижу, **правде мат** они теперь **дадут**. Капнист. Ябеда).

Итак, на основании произведенного исследования мы пришли к следующему выводу: концепты *правда* и *truth* в разных языках демонстрируют сходный характер развития и общие признаки, характерные для того этапа, когда они были единым концептом и репрезентировались словом с корнем *dreu-*, а также общие признаки, имеющие символическое значение в индоевропейской ментальности.

Предпринятое исследование приводит нас к выводу о том, что природа языка, безусловно, конвенциональна, но это конвенция особого рода, она предопределена и строго контролируется языком. Любая метафора, какой бы окказиональной она ни была, должна быть «санкционирована» когнитивной концепцией авторов текста слова, и нам не остается ничего, кроме как уловить, почувствовать её концептуальный ресурс (границы). Такая «сверхчувственность» к категориям языка, по нашему мнению, имплантирована в наше сознание. Показателен в этом отношении пример психолога Лоры Энн Петитто, которая обратила внимание, что англоговорящие дети, задолго до того, как им исполняется два года, усваивают дейктические местоимения «ты» и «я», зачастую путая их. Удивительно, но двухлетние дети производят замену в рамках одной, выделенной ими категории дейктических местоимений, не путая, например, глаголы и местоимения.

Кстати, человеческое сознание и магическая сила слова находятся в культурах разных народов в обратно-пропорциональной зависимости. Магическая сила употребленного слова возрастает с уменьшением доли участия человеческого сознания в процессе речепорождения. Показательна в этом смысле немецкая пословица, содержащая концепт *правда* и способ её говорения – *Kinder*

und Narren (betrunkene) sagen die Wahrheit, ср.: русск. Устами младенца глаголет истина, где подразумевается не осмысленность речи или красноречие или бесстрашие, а состояние отключенного сознания, неиндивидуализированный, безличный акт речи, в которой «проявляется воля богов, боги изрекают, что позволено делать».

Как уже говорилось, чтобы понимание произошло, нужно, чтобы передающая и принимающая стороны пользовались одинаковым кодом. Поскольку, понимание в случае безличного акта речи все-таки существует, мы предполагаем, что код работает и в состоянии отключенного сознания.

Удивительная способность человека, с которой он постигает язык, пользуется его возможностями и участвует в его развитии, зачастую не осознавая того, насколько закономерен его «сознательный выбор», приводит нас к мысли признать трансцендентные основания языковой деятельности человека. Несмотря на то, что К. Поппер считал, и многие склонны с ним согласиться, что «философы используют бога для своих собственных частных целей, то есть в качестве подпорки для некоторых своих шатких аргументов» [15], мы, как нам кажется, привели в работе достаточно много аргументов, объяснение которых легко выходит за рамки чистой конвенции в языке. Кстати, идея о трансцендентной природе языка «стара, как мир».

Еще Гесиод говорил, что «Слово не может исчезнуть бесследно, коль скоро множество людей его повторяют; ибо оно само по себе является чем-то божественным» [2; 353]. Э. Бенвенист утверждает, что «эта власть слова, в отрыве от человека как его источника, рассматриваемая нередко как божественная, легко становится магической. Вот почему славянское *baliji* обозначает чародея или целителя, имеющего в своём распоряжении внушающую словом власть» [2; 353].

Существует, однако, довольно убедительный аргумент в пользу сознательной конвенции в языке, о котором мы уже упоминали – различия в словах-звукоподражаниях. Автор этих строк сам довольно долго признавал условный характер звукоподражаний, пока не встретил в арабском сленге фамильярное обращение к женщине, звучащее приблизительно как *ktktah* (ср. русское «цыпочка» как обращение и «куд-кудах-тах-тах» как звукоподражание). На наш взгляд, звукоподражания восходят к полнозначным индоевропейским или праиндоевропейским словам, которые несли свой онтологический смысл, но в некоторых языках, измененные по звучанию и, соответственно, смыслу, они стали употребляться в функции звукоподражания. Тексты слов, выполняющих функцию звукоподражания, и его семантические параллели в других языках еще ждут своей интерпретации.

Единицей передачи концептуального смысла

нам представляется звуковой облик слова, или звуковой пакет, при еще одном допущении, что звуков речи, различаемых нашим подсознанием, гораздо больше, чем выделенных и изучаемых фонетикой. Соответственно, приходится признать,

что значение звука и его возможность передать оттенки смысла изучена пока недостаточно. Не изучена также зависимость между изменениями фонетического состава слова и изменениями в содержании концепта, репрезентируемого словом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белый, А.* Символизм как миропонимание / А. Белый. – М.: Республика. 1994. – 527с.
2. *Бенвенист, Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс – Универс, 1995. – 452с.
3. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: УРСС, 2002. – 445с.
4. *Бердяев, Н.А.* Философия свободы / Н.А. Бердяев. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 736с.
5. *Даль, В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия / В.И. Даль. – М., 2002.
6. *Залевская, А.А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Методология когнитивных исследований. – Воронеж, ВГУ, 2001. – С. 36-44.
7. *Колесов, В.В.* Концепт культуры: образ – понятие – символ / В.В. Колесов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер.2. – 1992. – №3. – С. 30-40.
8. *Кубрякова, Е.С.* Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С. 90-93.
9. *Лакофф, Дж.* Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12-52.
10. *Лотман, Ю.М.* Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб., 2001. – 704с.
11. *Маковский, М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М.М. Маковский. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
12. *Пименов, Е.А., Пименова, М.В.* Жизнь – путь/дорога: опыт концептуального анализа / Е.А. Пименов, М.В. Пименова // Sprache. Kultur. Mensch. Ethnie. – Landau. Verlag Empirische Padagogik, 2002. – С. 107-123. (Reihe/ «Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik». Band 8).
13. *Пименова, М.В.* Концептосфера внутреннего мира человека / М.В. Пименова // Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И., Кретов А.А. Борискина О.О., Пименов Е.А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – С. 128-177. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 4).
14. *Пинкер С.* Язык как инстинкт / С. Пинкер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 456с.
15. *Поппер К.* Миф концептуального каркаса. Электронный ресурс. <http://www.philosophy.ru/texts/popper/concept>
16. *Потебня, А.А.* Мысль и язык / А.А. Потебня. Собрание трудов. – М.: Лабиринт, 1999. – 269с.
17. *Руссо, Ж.-Ж.* Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М., «Наука», 1969. – 703с.
18. *Степанов, Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824с.
19. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1971. – Т. 3.
20. *Цейтлин, Р.М.* О значениях старославянских слов с корнем -прав- // Этимология 1978. – М.: Наука 1980. – С. 59-64.
21. LingvoEssential // ABBY LINGVO 9.0
22. Pokorny's Indo-European Etymological Dictionary Online. <http://www.bartleby.com/61/roots/IE87.html>

□ Автор статьи:

Агиенко

Марина Ивановна

- ст. преп. каф. иностранных языков